- 9. Превышение плана численности ИТР считалось явлением положительным, в отличие от превышения численности рабочих или младшего обслуживающего персонала.
- 10. Терехов В.С. Указ. соч. С. 55.
- 11. Сост. по: ГАСО. Ф. 122-р. Оп. 2. Д. 1222. Л. 5; Д. 1230. Л. 55; ЦДООСО.
- Φ . 4. Оп. 13. Д. 505. Л. 4; Φ . 20. Оп. 1. Д. 10. Л. 185; Φ . 295. Оп. 1. Д 95. Л.
- 10. Трансформаторная сталь. 1931. 28 ноября.

Сравнение средних цифр количества ИТР за год с теми, что давались при разбивке ИТР на категории, дает основания считать, что в последнем случае заводоуправление использовало сведения за наиболее выигрышные даты. Особенно широкое распространение эта практика получила в период убыли ИТР после репрессий, когда отстающая от плана численность ИТР во многом искусственно резко повышалась к началу нового года, и все разбивки давались с учетом этой завышенной цифры. Позже эти данные звучали на различных общественных мероприятиях, партийный конференциях и пр., подменяя собой невыгодные для завода реальные цифры.

- 12. ГАСО. Ф. 122-р. Оп. 2. Д. 7д. Л. 21.
- 13. ЦДООСО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 107. Л. 9.
- 14. Трансформаторная сталь. 1931. 24 августа.
- 15. Трансформаторная сталь. 1932. 23 ноября.
- 16. ГАСО. Ф. 122-р. Оп. 2. Д. 1236. Л.141.
- 17. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 505. Л. 4.
- 18. ЦДООСО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 95. Л. 10.
- 19. ЦДООСО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 120. Л. 13; Д. 121. Л. 9.
- 20. Так, в 1934 г. текучесть ИТР на ВИЗе была наиболее высокой среди предприятий объединения «Спецсталь».
- 21. ГАСО. Ф. 122-р. Оп. 1. Д. 455. Л. 1.
- 22. Архив УФСБ по Свердловской области. Оп. 1. Д. 79. Л. 22.
- 23. Терехов В.С. Указ. соч. С. 146.
- 24. ГАСО. Ф. 122-р. Оп. 4. Д. 1222. Л. 5.
- 25. РГАЭ. Ф. 8927. Оп. 1. Д. 101. Л. 61.
- 26. Трансформаторная сталь. 1937. 22 сентября.
- 27. ГАСО. Ф. 122-р. Оп.21. Д. 1237. Л. 34.
- 28. ЦДООСО. Ф. 1926. Оп. 1. Д. 106. Л. 18.
- 29. ЦДООСО. Ф. 1926. Оп. 1. Д. 107. Л. 51-54.
- 30. ГАСО. Ф. 122-р. Оп. 2. Д. 460. Л. 5.

Дашкевич Л.А. (Екатеринбург)

Пермское ланкастерское училище

Одним из инструментов распространения массового светского образования в России XIX в. были ланкастерские школы. Для изучения «ланкастерской методы», позволявшей, с помощью подготовленных учеников, одному учителю контролировать обучение одновременно до 250 учащихся, Александр I направил за границу выпускников Петербургского педагогического института - Ф.И. Буссе, А.Г. Ободовского, К.Ф. Свенске и М.М. Тимаева. Молодые люди осмотрели учебные заведения Англии и Германии, а также посетили Ивердонский институт Песталоцци в Швейцарии. В 1819 г. они вернулись в Россию и стали ведущими преподавателями вновь созданного Петербургского университета. Ланкастерская методика, поддержанная правительством, в первой четверти XIX в. получила большое распространение в стране. Школы во множестве открывались в военных частях, городах и помещичьих усадьбах. В Петербурге в 1819 г. было открыто даже специальное «Вольное общество учреждения училищ по методе взаимного обучения», объединившее около 100 членов (некоторые из них состояли одновременно в одной из декабристских организаций - «Союзе благоденствия»). Общество ставило своей целью распространение начального образования в стране. Согласно уставу, оно обязывалось оказывать содействие и материальную помощь организаторам школ взаимного обучения и в Петербурге, и в других городах России. Средства для этого получались за счет членских взносов и добровольных пожертвований благотворителей. Просветительные идеи Вольного общества нашли широкую поддержку у жителей столицы: в 1819 г. здесь было собрало по подписке около 5 тысяч рублей единовременных пожертвований и свыше 2 тысяч рублей ежегодных взносов.

Деятельность общества была одобрена и Голицынским министерством народного просвещения. Именно метод Ланкастера, как указывалось в докладе Министерства об утверждении устава Общества, «будет общим для всего государства учреждением, по которому откроется средство к первым началам обучения для всего нижнего и бедного состояния людей» (1). Первая школа Вольного общества учреждения училищ по методе взаимного обучения была открыта в Санкт-Петербурге в 1819 г. Тогда же было направлено обращение почетного члена Вольного общества А.Д. Балашова ко всем начальникам губерний с просьбой о помощи в распространении

подобных училищ в России. В уральских губерниях на этот призыв откликнулся пермский гражданский губернатор Антон Карлович Криденер.

Открывая новую школу, А.К. Криденер действовал по уже сложившейся к этому времени схеме: просьба губернатора о пожертвованиях на первоначальное обзаведение нового учебного заведения поступила ко всем городничим и местным городским головам Пермской губернии. Благодаря этому, как свидетельствует директор училищ Н.С. Попов, ему удалось склонить «многих чиновников и другого звания любителей общественной пользы к значительным пожертвованиям». На новую школу была собрана весьма значительная для Урала сумма - 3541 рубль 88 копеек. Для ее размещения были выделены комнаты при Пермском воспитательном доме, находившемся в ведомстве местного приказа общественного призрения. 5 сентября 1819 г. Пермская школа взаимного обучения приняла первых учеников.

Активно содействовала новому «общеполезному предприятию» пермская интеллигенция. Непосредственное руководство работой школы взяли на себя учитель Пермской мужской гимназии Василий Тихонович Феонов и служащий губернского правления Михаил Гаврилович Сведомский. Вполне вероятно, что именно благодаря деятельности этих талантливых, известных своей ученостью и знаниями людей горожане скоро признали новую форму обучения. «Все учатся с величайшей охотой и удовольствием, - писали В.Т. Феонов и М.Г. Сведомский, - и распространившаяся молва о столь быстрых успехах ежедневно привлекает к нам не только родителей, но и самих детей, желающих обучаться в сем учрежденном училище» (2). Число школьников быстро росло. В конце сентября 1819 г. в Пермской школы взаимного обучения был 51 ученик, в 1820 г. – 118.

Изменение политической и идеологической обстановки в стране, однако, очень скоро привело к сворачиванию этой благородной инициативы. В 1820 г. для наблюдения за училищами взаимного обучения при Главном правлении училищ был создан особый Комитет, в который вошли М.Л. Магницкий, Д.П. Рунич, С.С. Уваров, И.И. Мартынов. Комитет стал рупором недовольства консервативнореакционных кругов просветительной деятельностью правительства. Большинство комитетчиков были настроено враждебно по отношению к Обществу распространения училищ по методу взаимного обучения и Петербургскому учительскому институту,

готовившему кадры для уездных, ланкастерских и приходских училищ. На заседаниях комитета раздавались голоса и против самого метода взаимного обучения. В ланкастерских школах видели знаний» источник «лишних И мятежных настроений. «Республиканская организация школ ланкастерских имеет ту невыгоду, что в оных равные всегда управляются равными [...] и имеет два важных неудобства, именно: а) она утверждает юношество в привычках республиканских, довольно и без того вольнодумством нашего века раскрываемых; б) она дает понятие о начальстве и властях противуполярное Закону божию, поставляя власть избирательную по достоинству, между тем как Христианин, с самого детства, во всякой власти не достоинство лица, но избрание божие видеть должен», - писал в 1825 г. М.Л. Магницкий к А.С. Шишкову (3). Это заставило Главное правление училищ ограничить распространение ланкастерских школ. После проверки многие из них были закрыты. В 1823 г. прекратило свою деятельность Общество распространения училищ по методу взаимного обучения. Основанное им Петербургское училище, просуществовав до 1827 г., закрылось изза недостатка средств.

Пермское училище по методе взаимного обучения действовало до 1834 г. Несмотря на столичные политические бури, местное городское общество поддерживало ланкастерскую школу. По решению общества, с 1824 г. городская дума стала ежегодно выделять на его содержание по 100 рублей. Училище разделялось на 8 отделений. Воспитанников обучали здесь чтению, письму, первым четырем действиям арифметики, сокращенному катехизису и священной истории. Обучение производилось по таблицам, изданным Департаментом народного просвещения. Писали дети сначала на песке, потом на аспидных досках и, наконец, на бумаге. Как и прочие городские начальные приходские училища, ланкастерская школа отправляла своих выпускников в уездное училище. В 1826 г., например, здесь обучалось 42 школьника. 11 из них были переведены в уездное училище, 5 – выбыли, не закончив обучения (4). Учащимися ланкастерской школы были дети низших слоев населения. В 1821 г. примерно 33% всех учащихся школы составляли воспитанники Пермского воспитательного дома, 27% - дети дворовых (крепостных) людей. Находились в школе и дети мастеровых, государственных крестьян и прочих бедных сословий. В период николаевских реформ и Пермский воспитательный дом и ланкастерская школа при нем

были закрыты.

1. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902. С. 146.

- 2. Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е годы XVIII в.- первая половина XIX в.) : учебное пособие. Пермь, 1992. С. 51.
- 3. Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII начало XX в.). М., 2007. С. 322.
- 4. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1956. Л. 44.

Жук А.В. (Екатеринбург)

Вклад уральской академической науки в разгром фашизма

К началу 1940-х гг. ученым Уральского филиала АН СССР (создан в 1932 г.) удалось наладить технологические процессы обогащения железных руд, предложить системы выработки угля и способы комплексного использования титаномагнетитовых руд, успешно осуществлять работы в области металловедения и термической обработки стали, химии минерального сырья и нефти, проводить геологические изыскания благородных и редких металлов (1).

Однако все эти достижения были лишь первыми шагами формирования на Урале фундаментальных научных школ, впоследствии составивших славу и гордость Отечества. В составе УФАНа функционировало фактически только три института геологического, геофизического и химического профиля, включая ряд лабораторий и станции. К началу же войны академическая наука региона все еще находилась в стадии становления и испытывала острый дефицит как в кадрах и оборудовании, так и в инновационных открытиях, способных активно воздействовать на развитие научнотехнического прогресса.

В годы Великой Отечественной войны все силы и средства академической науки Урала были направлены на решение проблем обороны страны, что в конечном итоге способствовало ее переходу на качественно новую ступень. Но перестройка уральской науки на военный лад осуществлялась очень не просто. В первые месяцы войны и без того немногочисленный кадровый потенциал УФАНа был